

БК 63.644(2)

А.М. Илюшин

Новые открытия в этнокультурной истории развитого Средневековья Кузнецкой котловины

Ключевые слова: этнокультурная история, развитое Средневековье, Дашт-и-Кипчак.

Key words: The ethnocultural history, the advanced Middle Ages, Dasht-and-Kipchak.

Этнокультурная история Кузнецкой котловины изучается по комплексу источников, среди которых, в силу отсутствия письменности у аборигенных народов, основное место отводится археологическим материалам. Совокупность этих источников, известная на начало XXI в., была нами систематизирована, обобщена и получила различную этнокультурную интерпретацию в диссертационном и монографическом исследованиях [1; 2].

Однако полевые исследования последних лет Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) позволили сделать ряд новых, зачастую сенсационных открытий, которые позволяют не только пополнить копилку вещественных источников, но и констатировать новые факты и процессы этнокультурной истории, имевшие место на территории Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья. Задача настоящей работы – познакомить читателей с одним из таких открытий, появившихся в результате планомерных полевых и кабинетных исследований в последние годы и внесших весомый вклад в этнокультурную историю Кузнецкой котловины и кочевников степной Евразии.

Появление новых вещественных источников связано с исследованиями ККАЭЭ курганной группы Конево, которая расположена в 1,3 км на ЮЮВ от одноименного села, на второй надпойменной террасе правого берега реки Ур, рядом с автомагистралью «Алтай-Кузбасс» на её 224 км, поблизости животноводческой фермы (летника). Памятник был открыт в 1978 г. Ю.М. Бородкиным и В.В. Бобровым [3, с. 211; 4, с. 58], а в 2002–2004 гг. обследован и полностью раскопан в аварийном режиме ККАЭЭ под руководством А.М. Илюшина [5, с. 14–16; 6, с. 19–33; 7, с. 6–21]. Погребальный памятник состоял из четырёх курганов, построенных цепочкой по линии ЮЮВ-ССЗ, которые предварительно отождествлялись с этническим компонентом кипчаков или огузов тюркского археолого-этнографического комплекса XI–XIV вв. в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины [8, с. 33–36]. При исследовании кургана №2 была раскопана могила 1, которая по своей конструкции была отнесена нами к категории

уникальных в средневековой истории региона и степной Евразии [9, с. 108–118], что заслуживает более тщательного изучения.

Курган №2 располагался в центральной части памятника. До начала раскопок он представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую земляную насыпь диаметром 21,15 м и высотой 2,05 м. Насыпь кургана была сильно разрушена и располагалась в ЮЗ части сакрального пространства, оконтуренного рвом подчетырёхугольной формы с заovalенными углами, внешние и внутренние размеры которого составляли – 28,40 x 24,05 м и 22,05 x 20,25 м, а ширина и глубина – 1,15–2,37 и 0,48–0,63 м от уровня материка. В СВ части рва имелся небольшой перешеек – вход в сакральное пространство – длиной 1,50 м и шириной 0,25 м, который на 0,21 м был углублён в материк и составлял с рвом единое сооружение. В ЮЗ, Ю и В частях рва на глубинах 3,21, 3,10 м, 2,70, 2,68 и 2,78 м были зафиксированы кости животных: нижняя челюсть и зуб лошади, а также позвонок барана. В СВ части рва на глубине 2,45–2,60 м была выявлена неупорядоченная каменная кладка из булыжников разной величины. В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка в 2003 г. были выявлены и обследованы семь могил. Однако в 2004 г. местные информаторы сообщили, что нами не была раскопана еще одна могила. По приезду на место мы обнаружили обвал свода катакомбной погребальной камеры, вход в которую вел из могилы 1 и был замаскирован материковой глиной, что не позволило его обнаружить в 2003 г. Стало ясно, что грунтовая могила 1, где была захоронена шкура (манекен) коня, и катакомбное захоронение всадника-воина представляют собой единый погребальный комплекс. Подобных объектов до этого открытия на территории Кузнецкой котловины не было известно. Приводим описание этого уникального комплекса.

Могила 1 – располагается под ЮЗ полкой насыпи кургана на глубине 3,52–4,12 м и представляет собой частично потревоженное современными грабителями захоронение шкуры лошади в грунтовой яме и взрослого человека в катакомбе (рис. 1). Размеры могильной ямы, дромоса и катакомбы, образующих единое сооружение, – 5,75 x 1,20 м, длинной осью вытянуто по линии ССВ-ЮЮЗ и углублено в материк на 0,92–1,52 м. Грунтовая могильная яма имела овальную

форму размерами 1,73 x 0,96 м, длинной осью вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ, и углублена в материк на 0,92 м. Каких-либо дополнительных конструкций и сооружений в могиле выявлено не было. После выборки заполнения грунтовой могильной ямы на дне, на глубине 3,52 м, было зафиксировано захоронение шкуры лошади ориентированное головой на ЮЮЗ. Из скелета лошади сохранились только череп и три нижних сустава каждой ноги. В челюстях черепа лошади на глубине 3,52 м были зафиксированы железные удила с псалиями (рис. 1; 2.-1).

Вход в катакомбу в виде пологого дромоса (лаза), спускающегося в камеру, был вырыт в материке и начинался в ССВ стенке грунтовой могильной ямы, где было совершено захоронение шкуры лошади. Размеры катакомбы – 4,02 x 1,20, длинной осью вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ и углублена в материк на 1,52 м. Высота и ширина дромоса в материке составляли 0,42–0,51 и 0,61–1,12 м, а погребальной камеры – 1,03 и 1,20 м. Дромос был полностью заполнен материковой глиной, а погребальная камера – лишь частично. Захоронение человека было совершено на глубине 4,09–4,12 м в ССВ части могильного комплекса, на уровне dna камеры-катакомбы. По определению заведующим кабинетом антропологии ТГУ М.П. Рыкун в могиле был погребен мужчина в возрасте 45–50 лет (кабинет антропологии ТГУ, №5458). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине и был ориентирован головой на ССВ. В анатомическом порядке кости скелета человека сохранились лишь частично (суставы ног, рук, позвонки, ребра и череп). Скелет погребенного явно был потревожен современными «грабителями» после обрушения свода катакомбы. Череп лежал на левой стороне и был пробит в районе правого виска.

Погребение было совершено в деревянной раме из досок, стоящих на торце, на деревянном настиле из досок, лежащих плашмя внутри деревянной рамы. Длина деревянной рамы 1,95–2,00 м, а ширина 0,35–0,54 м. Толщина досок рамы составляла 1–1,5 см, а ширина 0,25–0,27 м. При разборке заполнения дромоса катакомбы у северной стенки на глубине 3,80 и 3,85 м вблизи входа в камеру были найдены железные стремена (рис. 1; 2.-2, 3), а у ЮЮЗ края деревянной рамы на глубине 3,90 м зафиксированы позвонки животного (лошади) и кости птицы (рис. 1). Внутри деревянной рамы на глубине 4,07 м в ногах погребенного были найдены железные пластины-накладки и бляшка с фрагментами материи, сферические бляхи с обоймами, фрагмент кольца и скоба крепления с миниатюрным кольцом (рис. 1; 3.-4–11). С правой стороны тела погребенного на глубине 4,10 м были найдены фрагменты берестяного колчана, в котором на глубине 4,12 м были найдены фрагменты древков стрел и железные наконечники стрел (рис. 1; 3.-12–20; 4.-22–41). У левой берцовой кости на глубине 4,12 м было найдено железное тесло (рис. 1; 4.- 42),

а рядом на глубине 4,12 м были найдены железные фрагменты лезвия колюще-рубящего оружия очень плохой сохранности (вероятно, сабли. – *А.И.*) (рис. 1; 5.-43–50). В южной части камеры (грота) рядом с входом на глубине 3,12 м была обнаружена деревянная палка-копалка, воткнутая острым концом в потолок камеры (рис. 1; 5.-51).

Эти данные позволяют классифицировать элементы-признаки погребального обряда и артефакты на уровне типов материальной и духовной культуры и исследовать их на предмет датировки, используя методы аналогий и корреляции полученных дат.

Погребальный обряд можно классифицировать на уровне трех классов признаков. На уровне такого класса, как памятник, фиксируются три типа признаков – курганная группа, вытянутая цепочкой и располагающаяся на надпойменной возвышенности. На уровне класса – курган с сопутствующими сооружениями фиксируются такие элементы-признаки: земляная округлая насыпь диаметром более 21 м и высотой более 2 м; ров подчетыреугольной формы, с входом-перешейком и ритуальной площадкой, длинной осью вытянутый по линии ЮЗ-СВ, внешние размеры которого по длинной оси составляют более 25 м; размеры ширины рва колеблется от 2,01 до 2,5 м, а глубина – от 0,51 до 1 м; во рву присутствуют кости животных (без определения), кости лошадей, кости овцы или барана, каменная кладка; семь могил под насыпью. На уровне третьего класса – погребение, фиксируются такие элементы-признаки: ингумационное захоронение мужчины со шкурой лошади, комбинированное по месту захоронения в грунтовой яме и в катакомбе; форма могильной грунтовой ямы на уровне материка овальная, ориентированная по длинной оси по линии ССВ-ЮЮЗ; по конструкции могила представляет собой грунтовую яму с катакомбой; ориентация человека головой на ССВ, а шкура в его ногах головой на ЮЮЗ; в могиле присутствует погребальная конструкция в виде деревянной рамы с подстилкой из досок, кости животного, птицы и предметы вооружения, конской упряжи и орудия труда. За единичными исключениями, по основным характеристикам классифицированные признаки относятся к категории традиционных на территории Кузнецкой котловины для погребальных памятников развитого Средневековья в XI–XIV вв., которые отождествляются с шандинской археологической культурой тюркоязычных кочевников [2, с. 97, 102–103, 120–126].

Из числа находок в могиле преобладают предметы вооружения, которые представлены средствами ведения дистанционного и ближнего боя. Категория предметов вооружения и снаряжения для дистанционного боя представлена железными наконечниками и древками стрел, а также остатками колчана.

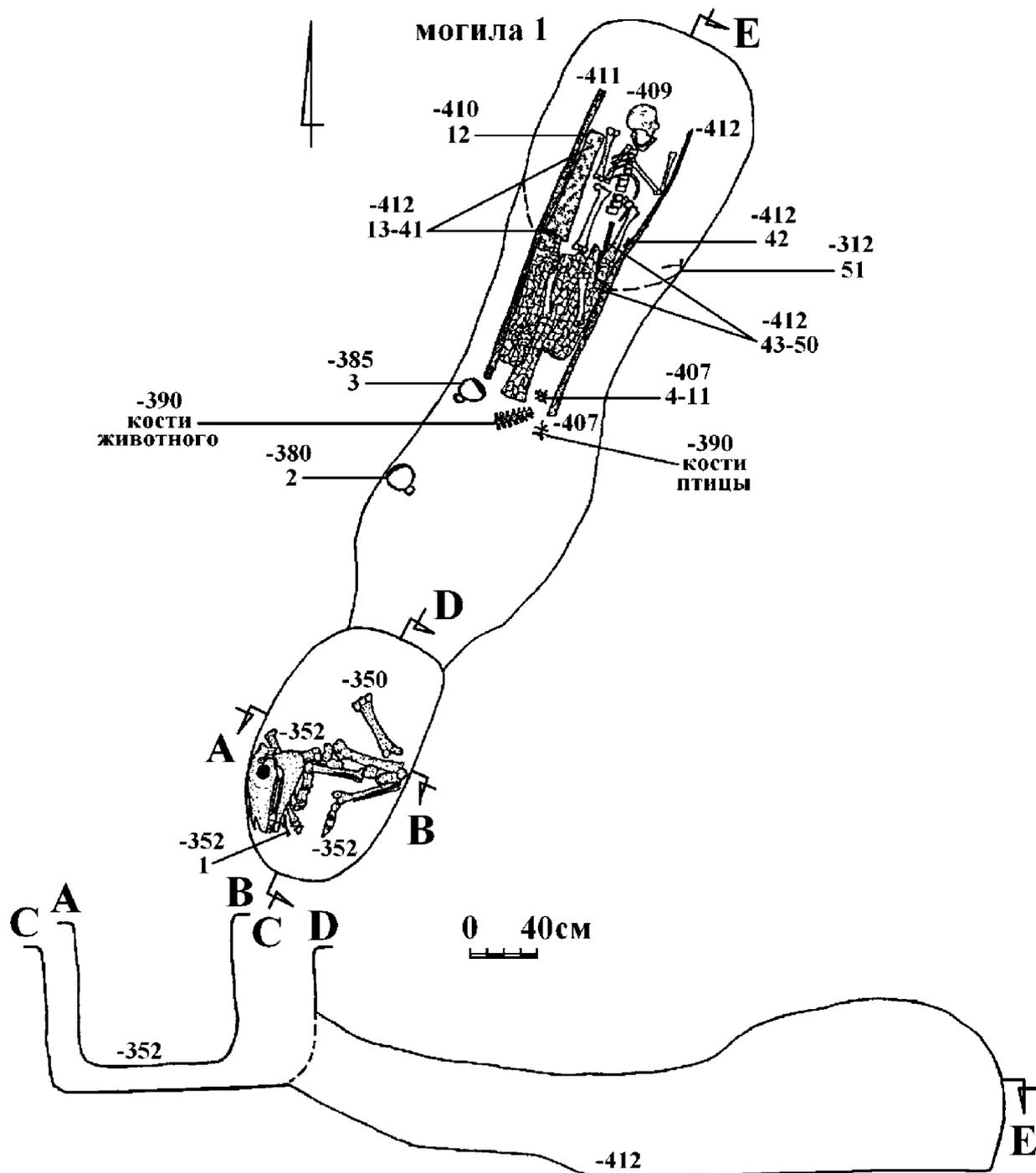

Рис. 1. Курганная группа Конево. Курган №2.

План и разрезы могилы 1: 1 – удила с кольчатыми и стержневыми псалями; 2, 3 – стремена; 4–6 – пластины-накладки; 7, 8 – сферические бляхи с щитками-обоймами; 9 – крепление с кольцом; 10 – фрагмент кольца; 11 – бляшка; 12 – фрагменты колчана, 13–26 – древки стрел, 27–41 – наконечники стрел; 42 – тесло; 43–50 – фрагменты колюще-рубящего оружия; 51 – палка-копалка; 1–4, 7–10, 27, 38, 43–50 – железо; 5, 6, 11 – железо и материя; 12 – береста; 13, 15, 18, 22, 23 – дерево; 14, 19, 20, 24–26 – дерево и береста; 28 – железо, дерево, береста; 29–37, 39–42 – железо и дерево; 51 – дерево

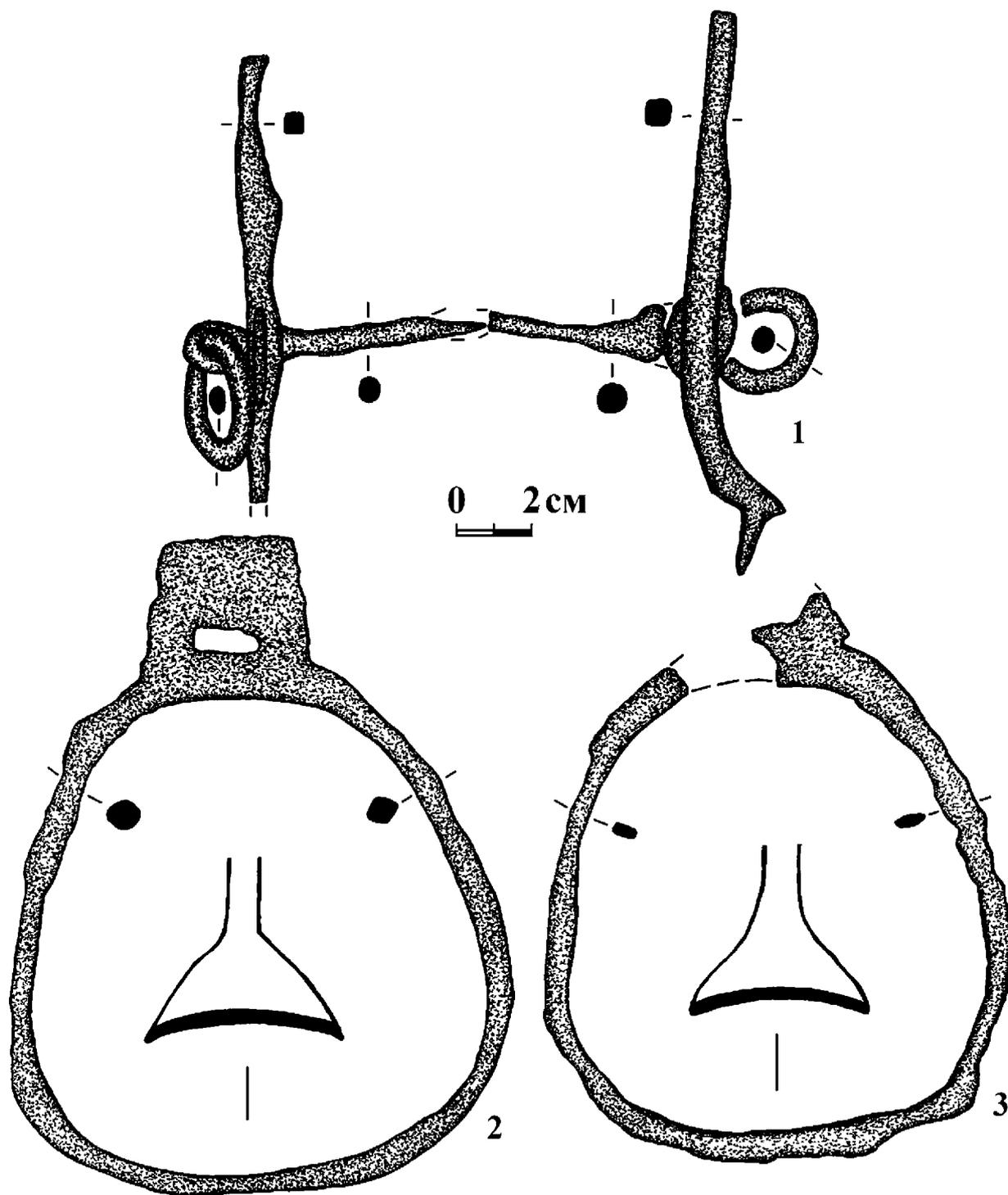

Рис. 2. Курганная группа Конево. Курган №2.
Находки из могилы 1: 1 – удила с кольчатыми и стержневыми псалями, 2, 3 – стремяна; 1–3 – железо

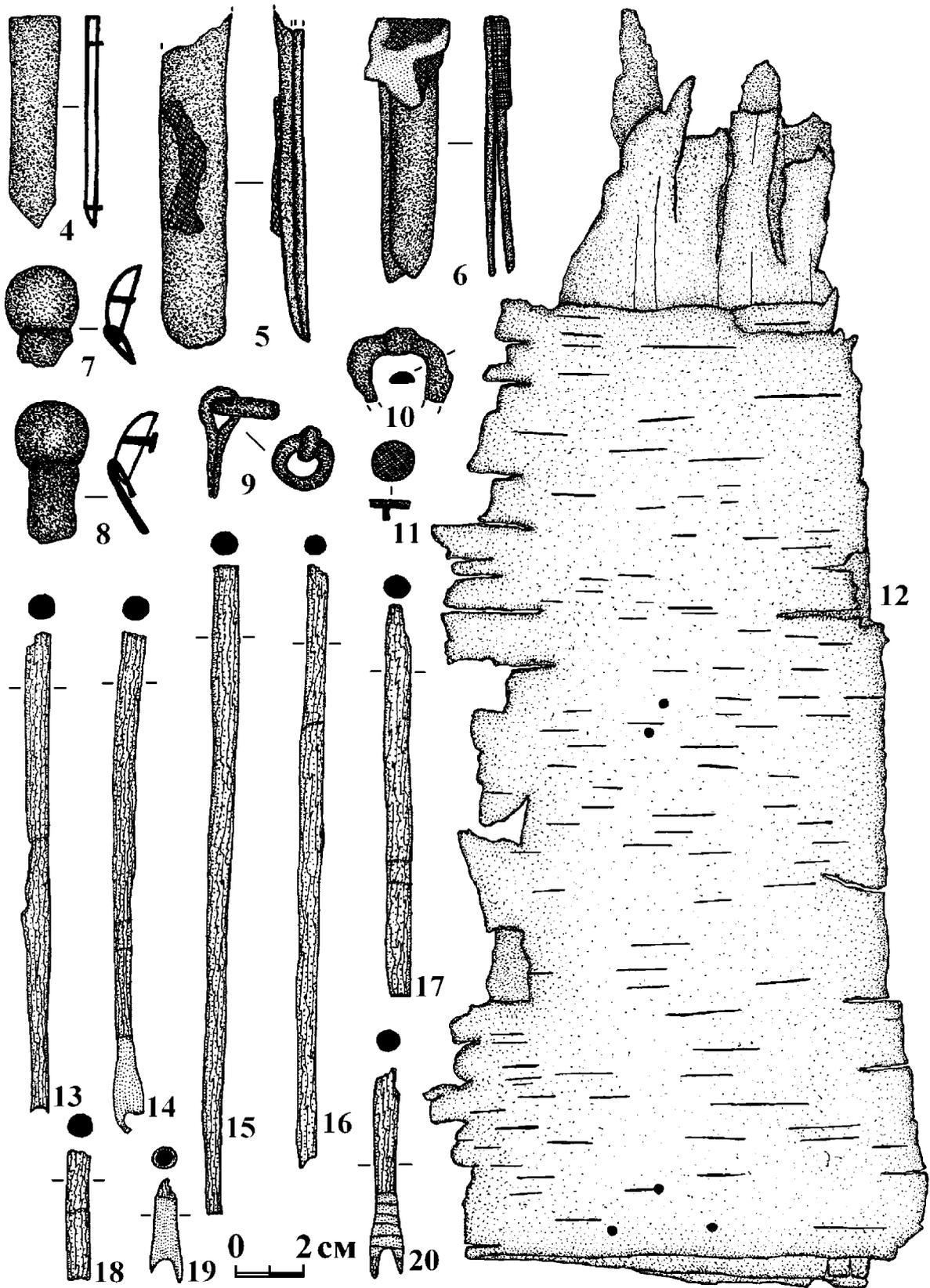

Рис. 3. Курганная группа Конево. Курган №2.

Находки из могилы 1: 4-6 – пластины-накладки; 7, 8 – сферические бляхи с щитками-обоймами; 9 – крепление с кольцом; 10 – фрагмент кольца; 11 – бляшка; 12 – фрагменты колчана; 13-20 – древки стрел; 4, 7-10 – железо; 5, 6, 11 – железо и материя; 12 – береста; 13, 15-18 – дерево; 14, 19, 20 – дерево и береста

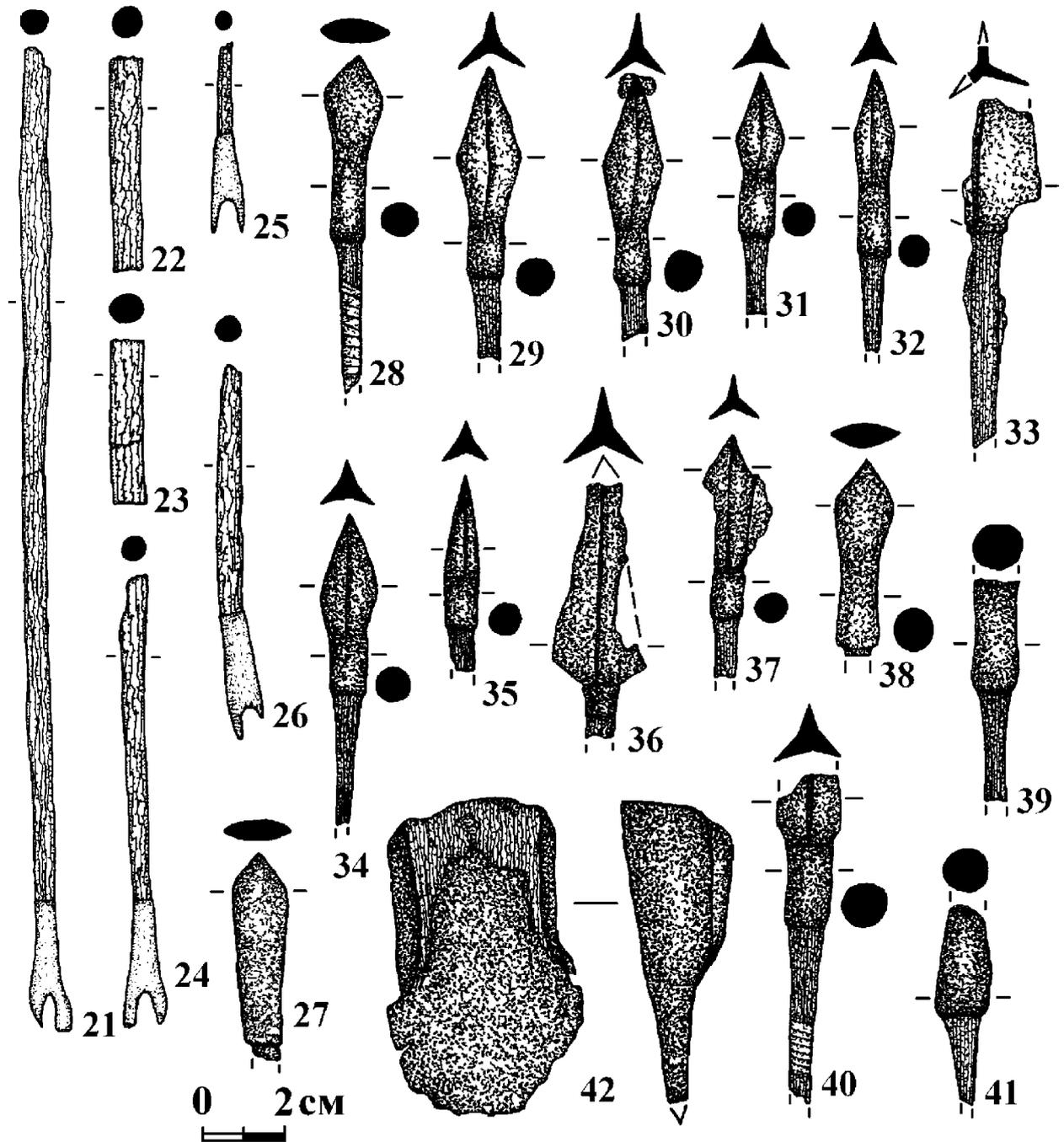

Рис. 4. Курганная группа Конево. Курган №2.

Находки из могилы 1: 22–26 – древки стрел; 27–41 – наконечники стрел; 42 – тесло; 22, 23 – дерево; 24–26 – дерево и береста; 27, 38 – железо, 28 – железо, дерево, береста; 29–37, 39–42 – железо и дерево

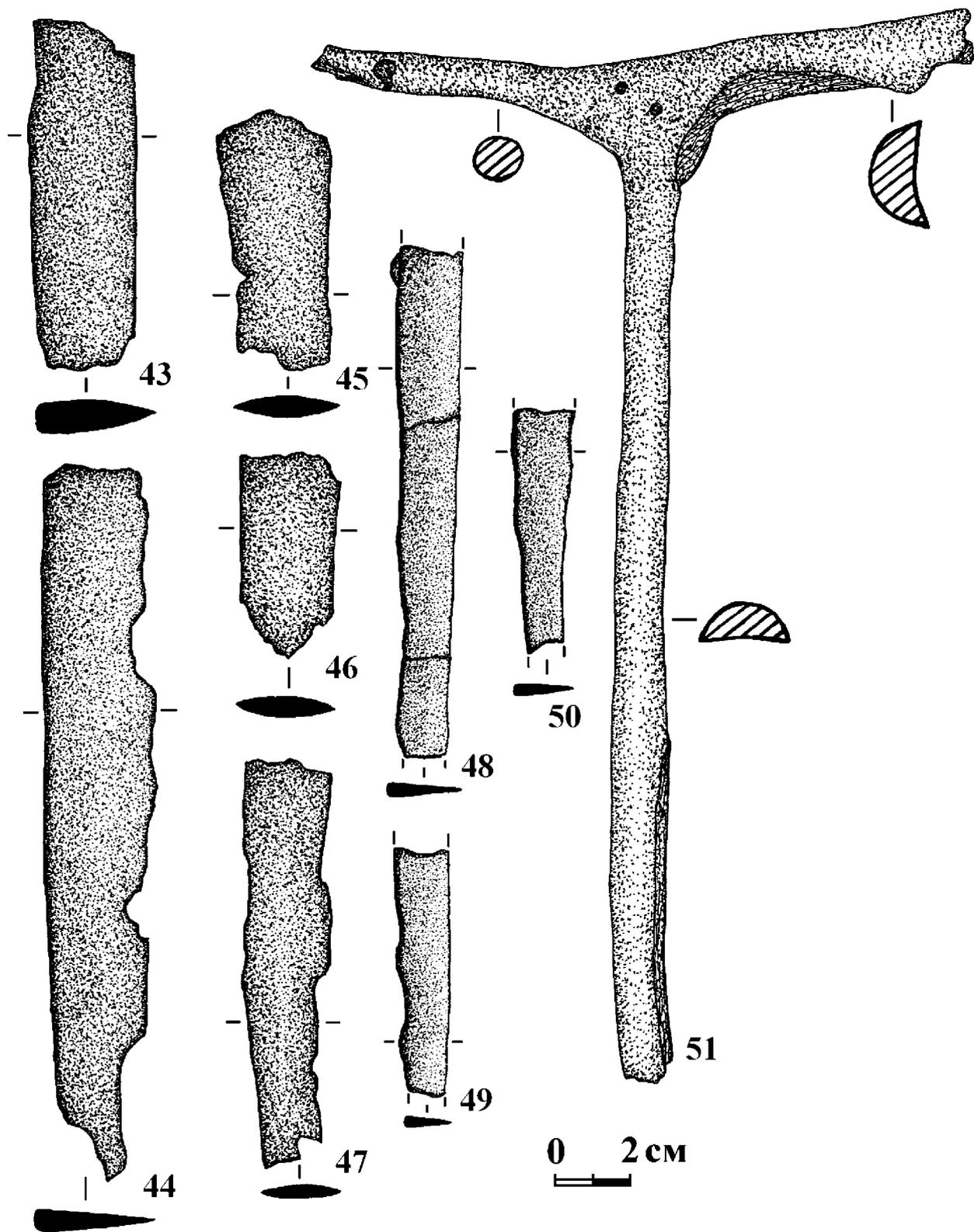

Рис. 5. Курганная группа Конево. Курган №2.

Находки из могилы 1: 43–50 – фрагменты колюще-рубящего оружия, 51 – палка-копалка; 43–50 – железо, 51 – дерево

Берестяной колчан, судя по месторасположению в могиле (рис. 1; 3.-12), вероятно, крепили к поясу и носили на левом бедре. Степень сохранности этого предмета не позволяет его классифицировать, можно лишь предполагать, что он относился к группе открытых конических. Стрелы остриями наконечников располагались в колчане как внизу, так и вверх. Они представляют самую массовую категорию находок в могиле и представлены фрагментами древков (рис. 3.-13–20; 4.-21–26) и железными наконечниками (рис. 4.-27–41). Древки стрел представляли собой фрагменты прямых палочек с округлым сечением, диаметр которого составлял 5–8 мм. Это составной элемент стрелы, используемый для крепления наконечников и обеспечивающий прицельную стрельбу из лука. На некоторых сохранившихся экземплярах имеется выделенное ушко в виде «арочного» выреза, которое изготовлялось из бересты и приклеивалось к окончанию древка для удобства вставления стрелы в лук и её удержания при натяжении тетивы.

Наконечники стрел по материалу изготовления относятся к классу железных, по способу крепления и форме несущей части – к отделу черешковых, по сечению пера и ударной части делятся на группы, а по форме пера и оформлению ударной части – на типы. Боеголовковые типы наконечников стрел определяются по наличию овальной или округлой в сечении «шейки» упора, которые бывают длинные и короткие, удлинняющие и утяжеляющие наконечник. Последний признак иногда на уровне классификации интерпретируют как вариант [10, с. 27–28]. По причине плохой сохранности из 15 найденных наконечников стрел удалось классифицировать лишь 10, которые относятся к трем группам и шести типам.

Группа 1 – трехлопастные, насчитывает 2 типа и отличается трехлопастным пером, что обеспечивало стреле устойчивость в полете. Тип 1 – удлиненно-ромбические, представлен одним экземпляром (рис. 4.-36), а тип 2 – боеголовковые ромбические, насчитывает 2 экземпляра (рис. 4.-29, 30). Первый тип наконечников стрел этой группы зафиксирован на территории Кузнецкой котловины в материалах X–XII вв. на погребальных памятниках Шанда и Саратовка [11, рис. 26.-10; 12, рис. 64.-17, 19, 22, 24; рис. 68.-9]. На Алтае он бытует со второй половины VIII по XIV в. [10, с. 38–39, рис. 38]. На других территориях Центральной Азии этот тип наконечников стрел был у кимаков IX–X вв., уйгуров XI–XII вв. и кыштымов XIII–XIV вв. [13, с. 183, рис. 84; 14, с. 32, 80–81, рис. 21; рис. 52]. Второй тип наконечников стрел известен в древностях конца X–XII вв. на территории Новосибирского Приобья, Алтая и в материалах малиновского этапа аскизской культуры с конца X по начало XIII в. [15, с. 37; 10, с. 38–39; 16, рис. 26.-5], а также в древностях кыргызских кыштымов XI–XIV вв. [14, с. 32, рис. 21].

Группа 2 – трехгранно-трехлопастные, насчитывает два типа и отличается трехгранным сечением ударных

граней боевой головки пера и трехлопастным сечением его плечиков. Тип 1 – боеголовковые удлиненно-треугольные, представлен одним экземпляром (рис. 4.-35), а тип 2 – боеголовковые ромбические, насчитывает 3 экземпляра (рис. 4.-31, 32, 34). Первый тип наконечников стрел этой группы появляется на территории Западной Сибири в конце I тыс. н.э. [17, с. 37, табл. III.-13], а аналогии второму типу нам на этой территории неизвестны.

Группа 3 – линзовидные, насчитывает 2 типа и отличается линзовидным сечением монолитной боевой головки, в виде уплощенной двояковыпуклой «линзы» с острыми краями. Тип 1 – асимметрично-ромбические, представлен одним экземпляром (рис. 4.-27), а тип 2 – боеголовковые асимметрично-ромбические, насчитывает 2 экземпляра (рис. 4.-28, 38). Первый тип наконечников стрел на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии в погребениях первой четверти II тыс. на могильнике Сапогово-1 [18, рис. 46.-4], а на Алтае они известны со второй половины VIII–XIV вв. [10, с. 42].

К предметам вооружения ближнего боя в исследуемой могиле относятся сабля и тесло (рис. 1; рис. 4.-42; рис. 5.-43–50). По причине плохой сохранности реставрировать саблю не удалось. По сохранившимся фрагментам можно предполагать, что она была слабоизогнутой и по разрезу лезвия ее можно отнести к группе трехгранных (рис. 5.-43–50). Сабли этой группы на территории Кузнецкой котловины известны в материалах XI–XII вв. и XIII–XIV вв. на погребальных памятниках Шанда, Беково, Сапогово-2 и Торопово-1 [11, с. 39, рис. 29.-2, 3; рис. 47.-1; 19, с. 24–25; рис. 27.-9; 20, с. 41]. Тесло, найденное в могиле, по форме втулки и виду лезвия относится к группе узколезвийных с несомкнутой втулкой, а по соотношению втулки и лезвия – к типу с плечиками (рис. 4.-42). На территории Кузнецкой котловины этот тип тесел был характерен для погребальных памятников XI–XII вв. Шанда, Беково и Сапогово-2 [11, с. 39, рис. 28.-2; рис. 31.-1; рис. 47.-4; рис. 50.-1; 19, с. 56, рис. 19.-11; рис. 20.-1, 13; рис. 21.-4; рис. 24.-7; рис. 30.-1], второй половины XII–XIII вв. Мусохраново-3 [21, с. 86, рис. 12.-9] и XIII–XIV вв. Торопово-1 [20, с. 42, рис. 52.-4]. Считается, что этот тип тесел имел широкое распространение у населения Центральной Азии в конце X–XII вв. [15, с. 48–49].

К категории конского снаряжения относятся такие находки, как удила и стремена. Удила, найденные в могиле, по материалу изготовления относятся к группе железных, а по конструкции – к типу однокольчатых, состоящих из двух звеньев с одним сомкнутым кольцом на каждом внешнем конце. Эти удила были комбинировано снабжены стержневыми и кольчатыми псалиями (рис. 2.-1). Эта комбинация железных однокольчатых удил из двух звеньев, стержневых псалий со скобами и отверстиями в разном исполнении и миниатюрными кольчатыми псалиями, вставленными в окончания звеньев удил, по сути, является специфическим изделием группы населения, воздвигнувшей три коневских кургана (1–3),

где они встречены. Специфика заключается в том, что звенья удила вставлялись в отверстия стержневых псалий, а затем в кольца удила вставлялись ещё дополнительные миниатюрные кольчатые псалии. Такая конструкция не характерна для процесса эволюции стержневых псалий, которые появились на территории Кузнецкой котловины во второй половине VIII в. и были в употреблении вплоть до монгольского времени [22, с. 162–167; 23, рис. 1]. Обычно псалии этого типа вставлялись в кольцевые окончания звеньев удила и закреплялись на них при помощи металлических скоб. В материальной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины лишь в начале II тысячелетия зафиксированы единичные случаи, когда в кольцевые окончания звеньев удила одновременно вставлялись стержневые псалии и миниатюрные кольчатые псалии [2, табл. 14.-11; 11, рис. 52.-8; 12, рис. 53.-3, 4]. Вероятно, это было не совсем удобно, поэтому в XI–XIV вв. стержневые псалии стали использовать в комбинации с двукольчатыми звеньями удилами. В этих случаях в одно кольцо окончания звена крепилась стержневая псалия, а миниатюрная кольцевая псалия вставлялась в другое [2, табл. 14.-9; 11, рис. 46.-2]. Специфические коневские удила с напускными стержневыми псалиями в комплекте с малыми кольчатыми псалиями имеют близкие аналогии в аскизских древностях XI–XIV вв., которые И.Л. Кызласов в 1983 г. считал массовым и характерным продуктом местного происхождения [16, с. 28–29, рис. 7; табл. III.-21–42; табл. IV; табл. V]. Позже, Л.М. Плетнева обратила внимание на находки подобных удила в Басандайском курганном могильнике, классифицировала их как самостоятельный вариант типа крюковых удила и датировала их на территории Томского Приобья XII–XIV вв. [24, с. 87–88, рис. 187.-3].

Два стремена, найденные в могиле (рис. 1; рис. 2.-2, 3), по материалу изготовления относятся к группе железных, а по способу крепления ушка – к типу с прямоугольным выступом на верхней дужке. Эти стремена имеют высокий арочный проем и выпуклую широкую подножку. Такое сочетание элементов в форме средневековых стремян этого типа на территории Кузнецкой котловины встречено впервые. Аналогичные изделия на юге Западной Сибири появляются в конце X – первой половине XI в., а наибольшее их распространение в этом регионе приходится на XI–XII вв. [25, с. 95].

Скопление железных изделий из фрагмента кольца, кольца с креплением, бляшек и наконечников ремней разной формы находилось в ногах погребенного и, вероятно, представляло собой остатки различных креплений и украшений ремней на деревянном седле, которое не сохранилось (рис. 1; рис. 3.-4–11). Близких аналогий этим изделиям в средневековых древностях Кузнецкой котловины тоже нет. Ближайшие аналогии сферическим бляхам с шитками обоймами на шарнирных соединениях (рис. 3.-7, 8) по своей конструкции имеются в материалах аскизской культуры Южной Сибири конца X–XIV вв. (16, рис. 16).

Из предметов, относимых к категории орудий труда, в могиле была найдена палка-копалка, которая по своей форме очень похожа на чекан (рис. 5.-51) и встречена на территории Кузнецкой котловины лишь в единственном экземпляре.

Приведенные аналогии элементам погребального обряда и предметам материальной культуры позволяют отождествлять исследуемое погребение с кругом древностей развитого Средневековья XI–XIV вв. Кузнецкой котловины. Корреляция временных периодов бытования артефактов, выделенных по аналогиям, позволяет сузить хронологические рамки исследуемого источника и датировать могилу 1 в кургане №2 рубежом XII–XIII вв. Эта дата объясняется тем, что для одних артефактов период бытования завершается XII в., а для других артефактов он начинается с XIII в.. По логике, основываясь на появлении новых форм артефактов, исследуемый погребальный комплекс следовало бы датировать началом XIII в., когда еще «доживают» старые формы артефактов. Однако датировка по близким и удаленным территориально аналогиям достаточно условна, что за отсутствием абсолютных дат позволяет сделать вывод лишь об относительной хронологии изучаемого комплекса. Поэтому под рубежом XII–XIII вв. нужно понимать полувековой интервал, укладывающийся в последнюю четверть XII и первую четверть XIII в.

Такая датировка исследуемой могилы позволяет включать её в круг древностей средневековых кыпчаков, которые в XII в. господствовали на просторах евразийских степей. Племя кыпчак по письменным источникам известно как одно из семи крупных тюркских племён, которые под предводительством племени кимаков в конце VIII в. на берегах Верхнего Иртыша и в северных отрогах Алтая образовали крупное государственное объединение Кимакский каганат, просуществовавший с конца VIII по X в. включительно [26, с. 35–36]. Территория этого государства увеличивалась за счет захватов новых земель и в период своего расцвета в X в. она раскинулась от Алтая до Каспия, от кромки западносибирской тайги до казахских полупустынь [27, с. 170]. В этом союзе племен выделялись кыпчаки, которые, несмотря на изменение политической обстановки, продолжали вести традиционную форму хозяйствования – кочевое скотоводство. Считается, что еще накануне развала Кимакского каганата кыпчаки начали постепенное продвижение на запад. В XI в. они уже были на границе Хорезма, на Южном Урале и в Аральских степях, а в XII в. они уже были известны под этнонимом половцы в южнорусских степях [27, с. 181–184; 28; 29, с. 34–35; 30, с. 149–151; 31]. Одновременно с этими событиями, другая часть кыпчаков оставшаяся на прежних территориях, усилилась в предмонгольский период истории и начала своё движение на восток, достигнув пределов Верхнего Приобья, Среднего Енисея и Прибайкалья

[8, с. 33–35; 11; 15; 20; 32, с. 220–233; 33, с. 75–77; 34, с. 66; 35; 36; 37, с. 238; 38, с. 119; 39, с. 145; 40, с. 167–174; 41, с. 185–186; 42, с. 114–119]. В составе кыпчакской конфедерации были отдельные тюркские, телеские, огузские, уйгурские, печенежские, монголоязычные и другие племена и родоплеменные группы, которые находились в постоянном движении (образовывали племенные коалиции и сталкивались между собой, дробились на более мелкие этнические и социальные группы и смешивались между собой и с аборигенными оседлыми этносами). Такой ход истории степной Евразии предопределил появление такого феномена в начале развитого Средневековья, как «Великая кыпчакская степь». Когда по степным и лесостепным просторам от Байкала до Дуная кочевали многочисленные кыпчакские орды, образуя различные по своей форме (политические, военные и экономические) и этническому составу временные союзы, которые породили близкую по своему содержанию материальную и духовную культуру на всём этом пространстве. Вероятно, именно этот феномен во многом подготовил и появление другого феномена на этой территории – Монгольскую империю Чингиз-хана и его потомков. После дробления монгольской империи на улусы кыпчакские орды, преимущественно оказались на землях хана Джучи и в последующем в составе государства Золотая Орда. Именно в составе этого государства по мере ослабления центральной власти и укреплении отдельных улусов Джучидов вновь стали набирать политический вес крупные этнокультурные сообщества кыпчаков, что привело к разделению кыпчаков на западное и восточное крыло. Несмотря на то, что пределы границ между улусами Джучидов обозначены достаточно условно, можно предполагать, что территорией кочевий восточных кыпчаков были степные и лесостепные просторы Западной и Средней Сибири, где материальная и духовная культура кыпчаков устойчиво фиксируется в древностях XII–XIV вв. Территория Кузнецкой котловины, являющаяся северной периферией Саяно-Алтая, практически оказалась в центре возникшей конфедерации племен Восточный Дешт-и-Кыпчак, что во многом предопределило историческую судьбу этого региона.

Исследуемое погребение датируется начальным этапом формирования культуры кыпчаков на территории Кузнецкой котловины, что и объясняет наличие

большого количества инноваций в культуре этого региона. Открытие такого уникального погребального сооружения, как могила-катакомба в Конево, указывает на то, что захоронение в этой могиле принадлежало не представителю коренного этноса, а мигранту с достаточно удаленных территорий. В раннем и развитом Средневековье захоронения в катакомбах были характерной этнографической чертой культуры асов-аланов Северного Кавказа и Подонья [43, с. 227; 44, с. 268–286; 45; 46, с. 26–28]. Известно, что на этих традиционных территориях проживания асов количество катакомбных могил в период развитого Средневековья значительно сокращается по сравнению с концом I тыс. н.э. Эти земли вместе с проживавшими на них асами вошли в состав различных половецких орд и вместе с ними господствовали на степных просторах Евразии. При этом некоторые этнографические группы асов покинули свои прежние места проживания и устремились на север [44, с. 283]. Новое открытие позволяет предполагать миграцию отдельных представителей или небольших этнографических групп асов, которые в период Дешт-и-Кыпчак волею судьбы и обстоятельств оказались далеко к востоку от своих исконных земель, на территории Кузнецкой котловины.

Выявленный по вещественным источникам факт присутствия асов в период развитого Средневековья косвенно подтверждается и этнографическими материалами. Известно, что в составе бачатских теленутов, чья этническая общность начала формироваться на территории Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья [1, с. 23; 2, с. 137], имеется сеок ас-кыштым [47, с. 34–35; 48, с. 228; 49, с. 71–72]. В названии ас-кыштымы зафиксирован этноним господствующей родовой группы и социальная функция подвластных ему этнографических групп. И.Г. Георги писал, что ас-кыштымы в XVII–XVIII вв. жили на реке Бачат и в верховьях Чумыша и, по определению, они «во всем сообразны телеутам так, что подобно почитать их отщепившимися телеутскими аймаками или коленами; хотя сами они и ничево о том не ведают» [50, с. 161]. Таким образом, новые открытия в этнокультурной истории развитого Средневековья Кузнецкой котловины позволяют определить время появления асов и начало формирования племени ас-кыштымов в этом регионе Западной Сибири.

Библиографический список

1. Илюшин, А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья (конец V – XIV века) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.М. Илюшин. – Алматы, 2003.
2. Илюшин, А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья / А.М. Илюшин. – Кемерово, 2005.

3. Бобров, В.В. Разведка в Кемеровской области // Археологические открытия 1978 года / В.В. Бобров, Ю.М. Бородкин. – М., 1979.

4. Кулемзин, А.М. Археологические памятники Кемеровской области / А.М. Кулемзин, Ю.М. Бородкин. – Кемерово, 1989.

5. Илюшин, А.М. Отчёт об археологических разведках

- Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2002 году на территории Кемеровской области / А.М. Илюшин. – Кемерово, 2003.
6. Илюшин, А.М. Отчёт об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2003 году / А.М. Илюшин. – Кемерово, 2004.
7. Илюшин, А.М. Отчёт об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2004 году / А.М. Илюшин. – Кемерово, 2005.
8. Илюшин, А.М. К вопросу о компонентах тюркского археолого-этнографического комплекса XI–XIV веков на территории Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований / А.М. Илюшин. – Красноярск ; Омск, 2006.
9. Илюшин, А.М. Уникальное погребение аского воина в восточной части Дешт-и-Кипчак // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Вып. 8 / А.М. Илюшин. – Армавир, 2007.
10. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие) / В.В. Горбунов. – Барнаул, 2006.
11. Илюшин, А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат / А.М. Илюшин. – Кемерово, 1993.
12. Илюшин, А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования / А.М. Илюшин. – Кемерово, 1999.
13. Худяков, Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 1986.
14. Худяков, Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья / Ю.С. Худяков. – Новосибирск, 1997.
15. Адамов, А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. / А.А. Адамов. – Тобольск ; Омск, 2000.
16. Кызласов, И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв.: САИ. Вып. ЕЗ–18 / И.Л. Кызласов. – М., 1983.
17. Соловьев, А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья / А.И. Соловьев. – Новосибирск, 1987.
18. Илюшин, А.М. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово / А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский, М.Г. Сулейменов. – Кемерово, 1996.
19. Илюшин, А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины / А.М. Илюшин. – Кемерово, 1997.
20. Илюшин, А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) / А.М. Илюшин. – Кемерово, 1999.
21. Илюшин, А.М. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов. – Кемерово ; Гурьевск, 1998.
22. Сулейменов, М.Г. Конское снаряжение в раннем и развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины / М.Г. Сулейменов, А.М. Илюшин // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005.
23. Илюшин, А.М. Средневековые предметы конской упряжи на территории Кузнецкой котловины / А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов // Археологический журнал №1. – Армавир, 2007.
24. Плетнева, Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам) / Л.М. Плетнева. – Томск, 1997.
25. Могильников, В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках / В.А. Могильников. – М., 2002.
26. Кумеков, Б.Е. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам / Б.Е. Кумеков. – Алма-Ата, 1972.
27. Ахинжанов, С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – 2-е изд., испр. / С.М. Ахинжанов. – Алматы, 1999.
28. Иванов, В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / В.А. Иванов, В.А. Кригер. – М., 1988.
29. Плетнева, С.А. Половцы / С.А. Плетнева. – М., 1990.
30. Плетнева, С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века) : учебное пособие / С.А. Плетнева. – Воронеж, 2003.
31. Фёдоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1966.
32. Трифионов, Ю.И. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана / Ю.И. Трифионов, А.М. Илюшин, Ю.П. Алехин // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово ; Гурьевск, 1998.
33. Илюшин, А.М. Материальная и духовная культура средневековых кыпчаков Кузнецкой котловины / А.М. Илюшин // Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками. – Барнаул, 2007.
34. Илюшин, А.М. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху Средневековья) / А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – №4/2.
35. Харинский, А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация / А.В. Харинский. – Иркутск, 2001.
36. Николаев, В.С. Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура / В.С. Николаев. – Владивосток ; Иркутск, 2003.
37. Тишкин, А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая / А.А. Тишкин. – Барнаул, 2007.
38. Харинский, А.В. Захоронения в колодах как показатель процесса монголизации Южного Прибайкалья / А.В. Харинский // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 2008.
39. Николаев, В.С. Кочевники юга Средней Сибири в XII–XIV вв. / В.С. Николаев // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – №4/2.
40. Дашибалов, Б.Б. Кыпчаки в Восточной Сибири / Б.Б. Дашибалов // Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж, 2001.
41. Дашибалов, Б.Б. Бурятские погребения XVI–XVII вв. (кыпчаки в этногенезе бурят и якутов) / Б.Б. Дашибалов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы ; Омск, 2004.

42. Троицкая, Т.Н. Археология Западно-Сибирской равнины : учебное пособие Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск, 2004.

43. Ковалевская, В.Б. Северный Кавказ в X–XIII вв. / В.Б. Ковалевская // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

44. Плетнева, С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С.А. Плетнева. – М., 1989.

45. Афанасьев, Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона / Г.Е. Афанасьев. – М., 1993.

46. Кузнецов, В.А. Алания в X–XIII вв. / В.А. Кузнецов. – Орджоникидзе, 1971.

47. Потапов, Л.П. Этнический состав и происхождение

алтайцев : историко-этнографический очерк / Л.П. Потапов. – Л., 1969.

48. Томилов, Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. / Н.А. Томилов. – Томск, 1981.

49. Функ, Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века : историко-этнографическое исследование / Д.А. Функ // Народы и культуры. – Вып. 18: Телеуты. – М., 1993.

50. Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских. – СПб., 1799.